

May Mood

Игра слов

*облегчение боли — оно
вечно*

May Mood

**Игра слов. Облегчение
боли – оно вечно**

«Издательские решения»

May Mood

Игра слов. Облегчение боли – оно вечно / May Mood —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930743-9

Все, что я мог выносить и придумать за свои шестнадцать лет. Оформил, как позволяет сайт, но не как я хотел бы видеть сам.

ISBN 978-5-44-930743-9

© May Mood
© Издательские решения

Игра слов

Облегчение боли – оно вечно

May Mood

© May Mood, 2018

ISBN 978-5-4493-0743-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НА ФИОЛЕНТОВСКОМ КОЛЬЦЕ

Он закрывает дверцу машины, выпрямляется и орет:

– пошел ты нахуй со своей тряпкой. Все.

А я стою рядом мокрый: ноги и шорты, футболка, шлепки, волосы и морда – все мокрое. Стою со своей тряпкой в руке, смотрю, где остались мокрые места на машине, чтобы протереть их. Тогда все будет закончено, администратор рассчитает клиента, и тогда мы снова сядем в беседке, чтобы ждать следующую машину

мы втроем находимся на Фиолентовском кольце. Лето, жарко, заправка, машины и грязь

Мы сидим в беседке, Саня закуривает и говорит

– вот какого хуя животные не убивают себя? У них вся радость жизни в поспать, поесть и погулять. А какого хуя нам не сидится? Какого ХУЯ, – эти слова сказал медленно и с выражением, – мы в больницах лежим, курим, – тут он затягивается, – себя убиваем? Че нам не сидится, если мы тоже животные?

А мы вместе с загорелым сидим рядом и смотрим по сторонам. Здесь получается монолог, потому что мы молчим, а Саня один говорит сам себе. Со временем я понял, что он уже просто привык, и все тут

администратор – то есть Саня – уехал. Смуглый спит в коморке, а я сижу в тени беседки и жду, когда же тот приедет, чтобы сказать, что я съебываюсь. Что мне здесь не нравится и все такое, что я не хочу делать такую работу, не получается, не хочется – и тому подобное

Саня свалил, а мы сидим в беседке, и я слушаю историю про то, как можно влететь на 30 касарей, расфигачив бампер бэхи, когда ее выкатываешь из отделения для мойки. Теперь смуглый должен отрабатывать и день и ночь – а ему домой хочется, хочется уж очень как

вспоминаю, как я плакал ночами и хотел лучшей жизни для себя, когда я хотел, чтобы все исчезло и все меня забыли. А сейчас, когда я в жопе мира, непонятно с кем и непонятно где – о чудо: я хочу домой

мы в тени беседки, Саня говорит

– Понимаешь, я думаю, что еще с молодости утратил желание жить. В какой-то степени. – Обращается он, как обычно, то ли сам к себе, то ли к ветру, то ли к солнцу, висящему далеко в небе. – Мне не нравится смотреть, как человек рыбачит, – продолжает Саня, – Видеть небо и то, как люди ходят парами. Не нравится, что человек должен работать, чтобы просто жить:

одеваться, жрать, платить за дом, где ссать. Иногда я поутру ловлю себя на том, что не хочу пробуждаться, дышать свежим воздухом, видеть деревья и слышать птиц...

а смуглый вдруг ни с того ни с сего:

– Саня, я все никак не могу вникнуть, к чему вся эта хуйня, что ты нам здесь рассказываешь. – он встал и пошел покупать, как обычно, семки и казинаки. То ест здесь, то курит, то лежит или сидит, слушая Саню. За такое время он-то уже сколько наслушался, не то что я

а мне, честно, по душе. Даже платить не нужно, как за билеты в театр. Но я ничего не могу ответить или добавить, как-то поддержать его. Просто, закинув ногу на ногу, смотрю себе по сторонам и слушаю

– Эпоха поэтов прошла, эпоха музыкантов тоже. Что я могу делать в современном мире? – Это, как вы поняли, тоже Саня заводит о своем, о наболевшем, как я думаю. – Я играл на гитаре, писал тексты и какие-то вонючие рассказы, пел и трахался – а сейчас сижу здесь и понимаю, что, возможно, это *лучшее*, что можно делать сейчас – сидеть в этой беседке и день за днем мирно себе мыть машины. Есть скромно, одеваться скромно, ждать машины.

Нет, ну ты блядь просто видел же это, Макс! – Даже после того, как я сказал ему, что уезжаю, он все-равно обращается ко мне по-дружески. Я буду вспоминать этих двух. Он продолжает. – Какие мысли сейчас в мировых бестселлерах – мысли и взгляды. О чем знаменитости поют и как выступают. Везде все хотят секса – то ли от скуки, то ли их мозги реально пропитаны этим, то ли не-пойми отчего. Везде ебаные жопы и прессы, талии и плечи, обтягивающее и открытое, взгляды, татухи, пирсинги, и очки, и прически блядь... И главное – главное-то, сука! – глубокая самоуверенность. И правильно – хуле им-то и не быть уверенными. И я был бы уверенным в себе с такой жизнью, как у них.

В подростковом возрасте я гулял столько, что уже ни горы, ни реки, ни море не радует – на все смотрю с оцепенением. Даже жалко как-то – просто... Эх, просто поебать.

Только сейчас он замолчал. Теперь он, как и мы, смотрит по сторонам. Затягивается, пускает дым, поворачивает голову – и все мы ждем машины. Может, и вправду, как он считает, нам больше ничего и не остается – и лучшее, что можно делать в *современном* мире – мирно, день за днем, работать на автомойке и не знать всех ужасов, что происходят за твоей стеной

ОКРОВАВЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ

То, что объединяет нас всех – самое главное достижение в жизни каждого из нас. Мы все еще держимся и не убиваем себя – не убиваем по-настоящему. Мы в разных городах и странах, ежедневно слушаем ритм своего сердца, засыпая ночью с мечтами, в которых – вся боль и радость наших жизней. Ежедневно сталкиваемся с людьми, разрушаем и строим себя, познаем смерть в ее замедленных видах и жизнь в приятных мелочах. В сознании, что есть лучшая жизнь, что убить себя в период временного морального упадка – неизвестная никому затея. Нам не поможет то, к чему люди всю жизнь идут, что делает их по-настоящему счастливыми.

Мы видим, что многие вещи – занятие на свободное время, чтобы человек отвлекся от прихода к мысли, что он в жизни – и всегда один, и слишком зависим с рождения, и не в силах вырваться из плена. «Жертвы современности, рабы истории». Пустые взгляды –

в автобусах, в метро, самолетах. Уже давно ничего не чувствуя, не любим никого – на самом деле.

Одинокие прогулки в лесу.

Отражения в воде – озера, реки, море.

Под небом, всегда настолько великолепным, что оно вызывает отвращение и печаль. В тумане, парящим над деревьями и травами. Шелест листьев под волнами ветра. Зеркало показывает красоту лица – и кажется, сама природа жестоко насмехается.

И эти картины, что вырисовываются нашим воображением в наших головах – и любовь и улыбка, и слезы и ужас.

И эта обреченность на принужденное молчание.

Лунные и солнечные лучи света пробиваются сквозь окна, жалюзи, занавеси. В тихих темных комнатах удастся расслабиться и понять, что перед смертью самой последней мыслью в голове будет эта: пусть жизнь не была прекрасной, но она была. В шумных пустых помещениях всегда хочется вернуться в тихую комнату. И неспособность не обращать внимание на жизнь других – ведь мы учились любить, и замечать происходящее вокруг, и не быть равнодушными, и проявлять сочувствие к ближнему.

И неспособность творить свою жизнь – руки опускаются сами-по себе. И исчезновение среди белого дня – для всеобщей безопасности.

И настоящий дым, который окутывает глаза после затяжки. И дым в глаза, что они пускали нам, пока не пришло настоящее – каким оно есть.

КОГДА УШИ ПОД ВОДОЙ

удары сердца отдаются эхом и создают толчки, отчего мое распаренное, расслабленное и тяжелое тело создает легкие волны

Кто-то бежит за дверью. Слышно, как в конвульсиях бьется стиралка. Слышно голоса из телевизора. Соседи кричат сверху, разговаривают снизу, справа за стеной плачет мальчик.

Закрываешь глаза – и кажется, что душа несется в рай. Умер – и в таком состоянии одновременно и понимаешь, что это переходная стадия, и вслушиваешься в голоса, и слышишь свое шумное дыхание там, где не пойми как оказался.

выдыхаю – и мое дыхание, выделяясь мощной густой струей, смешивается со всем паром. Вода скапывает с потолка, тонкие струйки бегут по плиткам стены. Капли воды в горячем воздухе – и даже от самого слабого выдоха получается такой же эффект, как от сигареты. Когда ртом пустить мощную струю на грудь – тебя обпекает

вдыхаю помалу. Запуская внутрь наименьшее количество воздуха, какое только можно, я чувствую и смотрю, как моя грудь поднимается выше в воде. Легкие раздуваются – вернее я их расширяю, медленно

Вены давно вздулись губы вибрируют алая кровь переливается по своим тропам. Как влажные следы на камне, оставшиеся после разбитого кувшина с водой. Как маленькие реки на картах, трещины в стекле или изгибы на книжной странице, что была скомкана – так мое тело изнутри раскрашивается в тонких капиллярах, а цвет этот меняется в оттенках. Я словно картина, которую создают в теперешнем времени

сейчас я ее чувствую – чувствую свою кровь, как она течет внутри меня. В левой пятке, в мочке уха, в соске, в колене, по щекам – повсюду на своем теле. Это вибрации

поверхность воды играет – и все колыхания дугами отражаются на потолке

КЛЕТКА

Она сидит целыми днями в клетке, никому не нужная. Она воняет, потому что часто случается, что мне все-равно и я не хочу менять ей газеты, опилки, подлаживать сено.

Раньше она грызла клетку лишь в том случае, когда была голодна – но сейчас я ей бросаю кусок капусты, а она, не притронувшись, всегда неизменно с новой силой впивается в клетку, которая гремит еще громче – теперь она таким способом просит внимания и заботы, любви и ласки.

я лежу с ней на диване, за окнами – ночь, за стенами – тишина и темнота, на подоконнике светит лампа, а она бежит с одного угла кровати в другой и пищит. Подбегает к моему лицу, что-то вынюхивает, щекочет длинными усами – и убегает, и так повторяется много раз я ухожу в другой мир – а она остается в своем, за решетками этой клетки – и что ей остается?

Я ухожу – и там меня ждут люди и злость, раздражение и слабость Я прихожу – и мне не хочется слышать, видеть, я готов лишиться всех органов познания мира и сразу же на месте умереть.

Я ухожу: закрывается дверь – и снова настает это время для нее, это время для меня Нужно учиться разбираться в чем-то, искать способы отвести от себя скуку. Каждый день меня встречают люди – сразу, с утра, как только выхожу из комнаты, и потом – целый день, все время, а вечер – вечер я трачу, чтобы хоть как-нибудь восстановить баланс

«удовлетворение = боль», затем засыпаю – и просыпаюсь в том же мире

ее следы заметны, она мелькает постоянно – но это действует совсем иначе, потому что внутри меня осколки их гранат, в моей крови остатки их яда и мое сердце лишь пытается отдышаться перед новым забегом. Но я слышу, как гремит клетка, бросаю ей куски чего-то, глажу, смотрю на эти маленькие черные глазки – и ухожу снова

сейчас она прислонилась ко мне, дремлет под футболкой. Я чувствую, как внутри этого маленького мешочка из шерсти бьется сердце, чувствуя, как мое сердце создает более сильные толчки – и сейчас эти два двигателя кажутся слитыми воедино. Сейчас она здесь, вместе со мной на моей кровати – и я знаю, что она пока что еще молода и будет в той клетке завтра, и через неделю и через год. Я понимаю, что сейчас она жива и этим наполняет меня. Именно в этот момент

мне не хочется заваривать воду, чтобы приготовить чай, не хочется включать музыку или читать книгу, разговаривать с кем-либо, гулять на природе, играть в компьютер – я просто здесь вместе с ней. Сейчас я открыт и способен выпить что-то из этого маленького источника. Но когда я вынужден идти туда – я даже не могу представить, как столько может исходить из такой мелочи –

HAPPY BIRTHDAY

Когда он утром лежит в постели, спит – папа берет его на руки, несет к реке. Сын просыпается от шелеста камышей на ветру. Видит: яркое солнце заливает мир, солнце слепит глаза – и он снова впадает в дремоту *** – мама дома. Она готовит все к твоему приходу. – Отвечает отец на вопросы ребенка, чьи мысли сейчас о нежелании возвращаться домой, пусть там и мама, и торт, и подарки... Но единственное, что он сказал – вопрос о том, где мама. А позже он начал задавать вопросы: про рыб под водой, про тучи, плывущие в небе, про траву, деревья и камыши. – ...когда ветер колышет камыш, но поверхность воды не покрывается рябью – значит, ветер понимает, что у воды сейчас нет нужного настроения, – объясняет папа. – Если бы он

коснулся ее сейчас – стало бы лишь хуже, поэтому он, хоть и танцует с листвой, но ждет, пока это пройдет – Получается, ветер и вода поссорились на мой день рождения? Но мне не нужен день рождения, если из-за него случается так, что кто-то ссорится. Я не могу чувствовать праздничное настроение, если знаю о таком. Можно устроить праздник, когда у всех будет хорошее настроение. – Говорит ребенок. – Тогда это будет праздник по-настоящему. А когда кто-то в день праздника не хочет веселиться, то надо отменить праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.